

"Приготовил этот осел Жилкин сегодня урок или нет? -- с тоской раздумывает Петухов, мальчик лет семнадцати, некрасивый, бесцветный, чахлый и потому выглядывающий моложе своих лет, шлепая в сумерки по осенней распутице и поминутно оскользаясь то одной, то другой ногой.-- Чувствую, что придется отказаться от урока... Есть же на свете этикие тупицы?!"

Дошлепав до жилкинского крыльца, он останавливается и долго вытирает ноги, так что измазывает грязью весь приступок; калош у него нет. Но все-таки горничная Василиса, отпирающая на робкий звонок дверь, как кажется Петухову, смотрит на его ноги крайне подозрительно и даже с презрением. Ужасно глупо, что бедные люди, несмотря на прогресс и цивилизацию, и в настоящее время принуждены шагать по грязи совершенно так же, как и тысячу лет назад!

Желая скрыть грязные ноги, Петухов пускается на хитрость; он старается отвлечь внимание горничной разговором.

-- Не забыл ли я у вас, Василиса, книжечку в прошлый раз? -- спрашивает он.-- Книжечку, знаете ли, потерял... Этакая подлость!

Вопрос Василисе не нравится; было бы ему не говорить!

-- Никакой я тут книжечки не видала! -- заявляет она холодно.-- Может, еще где...

С первым препятствием покончено благополучно. Петухов откашливается, оправляет виски и робко заглядывает в залу; к счастью, в зале никого нет; это придает ему бодрости, и он довольно развязно шагает через залу в комнату ученика.

Ученик его, Костя Жилкин, белобрысый мальчик со стриженной головой, оттопыренными и большими, как лопухи, ушами, уже дожидается репетитора за столом, как бы снedaемый страстью к наукам; в сущности он туп и ленив до безобразия. Тупость и лень, кажется, состязаются в нем и никак не могут осилить друг друга! И все же в лентяе Жилкине так много добродушия, искренности и раскаяния в часы падений, что взять его в ежовые рукавицы -- невозможно... Он так огорчен, так упорно обещается приготовить все к следующему разу, что у репетитора громы и молнии мерзнут на языке. Для репетиторов нет ничего печальнее этих добродушных тупиц и лентяев...

Готовит его Петухов по русскому языку, арифметике, истории и географии; к нынешнему дню Жилкину в третий раз дан пустяковый параграф о прилагательных; и даже не целый, а половина.

-- Выучили? -- спрашивает Петухов.

По физиономии Жилкина от уха до уха расплзается масло.

-- Выучил! -- говорит он с гордым видом.-- Знаю!

-- Ну... ну... (Петухов соображает). На что оканчиваются прилагательные мужского рода в именительном падеже множественного числа?

На лбу Жилкина выступают морщины; физиономия выражает величайшее изумление.

-- Это из другого параграфа! -- заявляет он.

-- Оставьте! Из этого...

-- Из этого? Как же это так? д-да... пожалуй, из этого,-- соглашается Костя.-- Я... Иван Иванович, это самое... не знаю...

-- То есть как не знаете? Не учили?

-- Как же это можно не учить!! -- обижается Жилкин.-- Я учил, но... не мог выучить... Ужасно трудно, Иван Иванович, прилагательные учить!

-- Третий раз?!-- ужасается Петухов.-- Я... должен буду все вашей матушке рассказать...

-- Не говорите! -- просит Костя уныло.-- А вы задайте мне еще раз: посмотрите, как вызубрю! Без запинки!

Петухов хмурится, так что не разберешь по выражению его лица -- скажет он или не скажет, и задает Жилкину задачу; в арифметике Жилкин всего слабей и попросту, что называется, не смыслит ни бельмеса, но берет карандаш с самым веселым видом, как будто решение задачи исполнено приятностей, и начинает делать выкладки...

Репетитор подпирает голову рукой и бесцельно заглядывает в залу; а в зале стол уже накрыт для вечернего чая; расставлены чашки, самовар кипит так весело, как будто празднует именины, и возле самовара большущая корзинка печенья и сухарей; вся эта чайная музыка раздражает репетитора до тоски: он не ел с самого утра, как ушел из дома, и голод в животе начинает сказываться все сильнее. Эх, если бы воля: от всех сухарей и печенья минут в десять остались бы одни приятные воспоминания!

Жилкины любят хорошо поесть; дети у них, и девочки и мальчики, плотны и крепки, будто толчены в ступке, а сама хозяйка, дама румяная и рассыпчатая, напоминает хорошо удавшийся праздничный пирог. Чай они пьют в день раз десять, и даже довольно трудно определить, когда на столе у них не застанешь самовара: чуть только сняли один -- тотчас другой тащат; без сливок, лепешек, варенья -- чай им непонятен; во время чая все это присутствует на столе. Даже и говорят они, насколько доводилось слышать репетитору, все больше про еду, точно других тем и не существует на свете! Вот и теперь...

-- Отчего это мне так в бок, Катишь, колет? -- спрашивает madame Жилкина, выплывая в залу с двумя дочерьми. Нужно заметить, что Жилкина, подобно многим толстякам на Руси, несмотря на великолепное здоровье, имеет слабость думать, что она дышит на ладан и что жизни ее ежеминутно грозит опасность.

-- Наверно, от жирного пирога! -- догадывается Катишь.

-- Наверяд, чтобы от пирога! -- задумчиво говорит Жилкина и строго сдвигает брови, как будто решает ужасно важный вопрос.-- Я пирога только два куска съела, и притом пирог был совсем не жирен: нынче Аксинья пирог в самый раз испекла.

Она долго еще распространяется на эту тему, распространяется до тех пор, пока Петухова начинает мутить и с губ его текут слюнки; глупая женщина совсем не подозревает, что голодному человеку ее пирожные разговоры -- острый нож...

-- Кончил! -- радостно заявляет Костя над репетиторским ухом.-- Можете проверять...

-- Неверно! -- качает головой Петухов, заглянув в задачу.

На лице Жилкина вторично отпечатывается крайнее изумление.

-- Неужели неверно?!-- переспрашивает он.-- Ну, уж если это неверно, я не знаю, как и делать еще!
И ответ тот же!

Подсмотреть ответ Костя успел заблаговременно!.. В занятиях происходит перерыв. Горничная несет ученику и учителю стаканы с чаем; кроме стаканов, на подносе сливки и роковая корзинка. Петухов наливает себе сливок, косится на корзинку и со вздохом берет два сухаря; нельзя же хватать всю корзинку: выйдет скандал!

-- Неверно... Вы, Костя... списали ответ! -- мрачно говорит репетитор, отпив полстакана.-- Списали и подогнали действия... Так нельзя делать, от этого пользы ни на копейку... Признайтесь, списали?

Жилкин опускает глаза; по лицу его ползет уже не изумление, а раскаяние.

-- Списал, Иван Иванович! -- вздыхает он.-- Виноват!

-- Ну, как же она решается? Подумайте...

Молчание длится минут пять.

-- Ну, слушайте: я вам решу.

Петухов берет карандаш и пускается в объяснения; Жилкин не сводит глаз с учительского карандаша, как будто это не карандаш, а какая-нибудь невиданная редкость.

-- Поняли? -- спрашивает репетитор.

-- Понял... Нужно будет цветные карандаши завести, Иван Иванович,-- говорит Костя деловито,-- цветными задачи решать веселей...

Петухов пожимает плечами, допивает стакан и начинает спрашивать урок из географии; но тут происходит совершенно неожиданный инцидент.

-- Из географии я сегодня не готовил, Иван Иванович! -- говорит Жилкин грустно.-- Вы прошлый раз не записали, я и забыл, до каких пор мне географию учить!

Петухов краснеет и смотрит: о географии, действительно, в прошлый раз ничего не записано.

-- Да вы бы хоть немножко выучили... Ну, параграф один!

-- Немножко не стоит... Вы уж задайте все вместе к будущему разу -- я и выучу заодно.

Репетитор записывает; в географии он сам виноват; нужно будет потщательнее записывать уроки.

-- Ну, отвечайте историю.

Жилкин начинает отвечать историю, но после трех первых слов останавливается; если бы сказать, что он до учителя заглядывал в книжку два раза, это было бы сильным преувеличением.

-- Что же это? -- спрашивает репетитор.

Жилкин мнется, молчит, наконец, находит самым приличным случаю изумиться в третий раз -- и изумляется. На этот раз он, впрочем, кажется, и сам поражен.

-- Подите ж! -- говорит он уныло.-- Ведь знал ее, проклятую! Честное слово, Иван Иванович, знал!

"Нет, так нельзя, нужно будет отказаться! -- думает Петухов.-- Жаль, а придется отказаться: скотина, не учит решительно ничего!"

А с уроком расстаться тяжело; ходит он три раза в неделю и получает по семи с полтиной в месяц; семь же с полтиной деньги не маленькие, и нужно отдать справедливость Жилкиным: платят они очень аккуратно. На минуту, как перед Петуховым мелькают изумленные лица его матери и сестры (они не поймут, зачем он отказался!), для которых семь с полтиной капитал, он впадает в сомнение. Но только на минуту.

"Откажусь (кстати и срок сегодня),-- решает репетитор.-- Может, другой урок навернется".

-- Ну, довольно! Можете убирать книжки и повторять старое! -- говорит он ученику и с зловещей, не предвещающей для ученика ничего хорошего физиономией идет в валу.

-- Что, как ваш ученик? -- спрашивает Жилкина.

Петухов мнется, будто в рот ему набили каши.

-- Из грамматики не выучил...-- бормочет он.-- И из географии не выучил... впрочем, и из истории не знал ничего...

Мать зверски смотрит на Костю и качает головой.

-- Нет, видно, придется тебя отдать в пастухи! -- стучит она по столу пальцем.-- Тому, кто не хочет

учиться,-- единственный путь в пастухи!

Она читает сыну нотацию с чувством, с толком, с расстановкой. Воспользовавшись одним из перерывов, Петухов робко объявляет свой отказ, но это решительно ни к чему не ведет, отказ вызывает целую бурю: Жилкина клянется, что заставит сына учить уроки, хоть бы для этого ей пришлось пороть его каждый день, просит остаться еще хоть на месяц.

Петухов вздыхает и остается; но это уже в последний раз; если и вновь пойдет, как прежде, через месяц его не будет.

Репетитор получает семь с полтиной (они уж раньше приготовлены в конвертике) и уходит; с деньгами в боковом кармане он ощущает какое-то приятное стеснение в груди; Василиса представляется ему не такой сердитой, как прежде, ученик не такой безнадежной тупицей, и даже грязи на улице как будто стало меньше.

Да, семь с полтиной не пустячные деньги, черт возьми!